

ВАМ ОТПУЩЕНО СВЫШЕ...

Евгений ЛЕОНОВ:

Москва, правда. — 1994. — 25 янв. — с. 8.

В человеке должна быть тишина

— Евгений Павлович, почему вы соглашались играть отрицательные роли?

— Посредством актерского сердца и нервов можно пробиться к сердцу другого человека, чтобы все там разворочить. Даже отрицательной ролью можно очистить человеческую душу. Моими учителями были Андрей Гончаров и Михаил Яншин. Яншин всегда учил нас быть внутренне опытными. Есть общечеловеческие истины, но каждое поколение должно их родить для себя заново. Играешь умного — ищи, где он глуп. Играешь глупого — ищи, где он умен. Играешь хитрого — где он простодушный. Чтобы характер не был односложным. Чтобы его углубить, сделать емким, неоднозначным. Без такого разбора будет только твое присутствие на сцене.

— В «Кин-дза-дзе» у вас отрицательная роль?

— Нет, почему же, скорее несчастная. Эти двое вывалились на ту планету скорее всего с Земли. Которую сожгли... Попали в жесткий и жестокий мир, где вот так варварски разговаривают, так перемещаются. Они таскают за собой свою несчастную ракету и нигде не находят пристанища.

— А играли ли вы явных злодеев?

— Школа Яншина позволяла и это сделать. «Первый курьер»... Роль полицейского. С виду он очень добрый, милый даже. На допросе с арестантом по человечески пытается его убедить: «Сынок, сынок! Ну, зачем тебе все это? Ты же из простой семьи. Посадят в тюрьму — там параша, там арестанты, они тебя бить будут. Ну, дай адресок, и ничего этого не будет». Парень дает адресок, и мой герой арестовывает марксистов. То есть с помощью моего героя он предает. До этого не соглашается предать, а тут раскалывается и предает. А мой герой его не ломал, не давил, не убивал (физически). Добрый-добрый, а...

— Евгений Павлович, а часто вы отказывались от главных ролей?

— Да. Раньше очень часто. И причины могли быть самые разные. Ну а сейчас мне, честно говоря, и не особо предлагают. Напекают вот тут на 24

серии Дюма. Но я подумал — 24 серии, посредине помрешь обязательно. Но там, по моему, все будут сниматься, и Боярский, и... В общем, многие артисты. Наверняка, наклеют бороду, ну, может, не бороду — парик какой-нибудь прицепят. И придется какого-нибудь трактирщика играть. Сейчас ведь в кино молодежь пришла. А артисты старшего возраста вроде бы и не у дел. Тут мне недавно Глебов на это же жаловался. Вообще, сейчас снимают что-то совсем новое. Кому-то это нравится, кому-то нет, но это — реальность. Говорят о новой эстетике. Но ведь могу я не вписываться в эту новую эстетику...

— Я думаю, вы имеете на это все права...

— Раньше я мог отказаться от роли, и, честно говоря, не всегда был при этом последовательным. Иногда это бывало из-за занятости, как, например, в фильме «Звонят, откройте дверь». Я понимал, что и роль неплохая. Но я тогда много снимался, не было никаких выходов. Помоему, так было всю жизнь: приходят гости — сидим за столом, так хорошо, уютно. Но надо вставать и ехать на концерт. И порой так не хочется. Но по-другому нельзя было жить. Это был способ существования. И в про-

мом, и в переносном смысле. Актеры ведь люди небогатые. Актер не может собрать стадион на свою творческую встречу...

Бывало, когда мне предлагали роли, которые повторяли то, что я уже делал. Так, например, у Германа. Потом у него замечательно сыграл летчика Петренко. Но я нечто похожее уже делал до этого в «Белорусском вокзале». Тоже стояла камера, я перед ней произносил монолог, плакал... При хорошей литературе, хорошем сценарии бывает достаточно комнатного разговора. Тихого. Тишина стала трудно даваться, а в человеке должна быть тишина. Она дарует исповедь, исповедальность. В этой тишине задумываешься, куда ты идешь, чем ты занят, чем дышишь...

— А вы могли бы сегодня сыграть в маленьком эпизоде у неизвестного, начинающего режиссера?

— Раньше мог бы.

— Когда были не очень популярны?

— Нет, как раз когда был популярен. Это я сейчас не очень популярен. Я популярен фильмами, которые повторяются по телевидению. Мне соседи последние время говорят: «А мы вас тут в «Джентльменах удачи» видели. С удовольствием посмотрели еще раз». И я рад. «А мы

вчера не спали и ночью «Совсем пропащего» смотрели». «Афонию» недавно повторяли. А насчет эпизодов — мне тут предложили. Я снялся, чтобы товарищей старых не обижать. Тем более сейчас ведь быстро снимают. Но с некоторого времени появился какой-то внутренний протест. Нет, не против кино. Я даже сам точно не могу сформулировать: против чего? Если бы была хорошая, очень хорошая работа! И тогда не важно: эпизод, не эпизод... Какая разница для актера? Важно, чтобы сценарий был отмечен талантом писателя. Хотя бывает и такое: сценарий не очень, а фильм хороший. Как, например, «Свадьба с приданым».

Мы живем в неоднозначное время. Я читаю современные пьесы и не могу сказать, что они меня потрясают. Как и некоторые современные фильмы. Зато я слышу в высказываниях многих что-то типа: «Абуладзе? Зачем нам Абуладзе? «Покаяние»? Зачем нам покаяние? В нашем обществе надо бы попроще». Даже некоторые наши руководители во время трагических октябрьских событий выдавали в эфир: «Надо проще». В нашем обществе «попроще» совсем не надо! У нас такой предел, что скоро начнется «Кин-дза-дза». Все выпили, все съе-

ли и язык скоро потеряем окончательно. Останется только «ку» да «кю». Матерное ли «ку» или, я уж не знаю, какое. Куда уж проще? Куда сложнее было во времена Достоевского, Толстого, Чехова! А что теперь? Это я все к тому, что нельзя перечеркивать прошлое. Нужно брать из него все самое хорошее, светлое. И накладывать новые мази. Интеллигенция мечется, стараясь найти свое лицо, свое место в жизни. Она потеряла себя. И все пробуют себя в политике. Вообще, мы все становимся политиками, голосуем, выбираем...

— Вы, часом, не за Жириновского голосовали?

— Мне не хочется его обижать, но ведь он пустобрех. Должны ведь кончиться времена, когда люди языком ворочают больше, чем делаем. Ну откуда возьмется вдруг квартиры, дешевая водка? Почему надо со всеми воевать, всех присоединять? И чьи дети пойдут присоединять эту Финляндию и Прибалтику? Что-то во всем этом есть очень жестокое. Мы уже нахлебались, потеряли цвет нации, в войну погибло поколение, рожденное в 23—25-х годах. И их сегодня осталось, может, с полсотни человек. Когда люди, стремящиеся к власти, начинают бросаться несбыточными обещаниями, — это очень жестоко. Это очень жестоко по отношению к нашим отцам — только в нашем государстве можно пихнуть ногой инвалида. Они силой обстоятельств были втянуты в войну.

— Вы хотели бы жить в другой стране?

— Зачем же? Я очень люблю нашу страну. Мне только бы очень хотелось, чтобы она была доброй, демократичной, красивой. Ведь про Россию, про Москву всегда говорили: гостеприимная. Говорили про «сорок сороков». Эти купола, колокольные перезвоны, которыми столица зазывала к себе в гости, чаевничала, угощала пряниками. Я за то, чтобы все это вернулось.

Е. КУРБАНОВА.

На снимке: Станислав Любшин и Евгений Леонов во время перерыва на съемках «Кин-дза-дзы». (Каракумы).

Фото Евгения КОЧЕТКОВА.